

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211172-183>

Исследовательская статья

Бесолова Елена Бутусовна
д.фило.н., профессор, главный научный сотрудник
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева, Владикавказ, Россия
elenabessolova@mail.ru

ОБ ОБРЯДОВОМ ПРАЗДНИКЕ “УАСТЫРДЖИЙЫ КЪУЫРИ” В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН: К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА УАСТЫРДЖИ

Аннотация. Статья посвящена обрядовому комплексу календарного праздника Уастырджийы къуыри «неделя Уастырджи», действиям, связанным с успешным окончанием сельскохозяйственных работ и подведением итогов трудового года. Цель статьи: с помощью сравнительно-сопоставительного и описательного методов представить обрядовый комплекс праздника; уточнить персонаж, в честь которого длится неделю обрядовый праздник осетин Уастырджийы бонтæ («дни Уастырджи»). Актуальность изысканий вызвана необходимостью выявить наблюдаемое смешение элементов религий. Этнографический и фольклорный контекст рассматриваемого обрядового комплекса изучается с применением этнолингвистического подхода, дающего возможность совмещать языковой, этнографический и фольклорный материал. Именно этот подход к изучению традиционной культуры позволяет как методологически, так и содержательно реконструировать культурные смыслы и семантические модели обрядового комплекса праздника, исходя из соотношений языка и культуры. Акцентируется внимание на связи языка с магическими действиями – на отличительном свойстве языка разноаспектных по времени и жанру историко-этнографических и фольклорных источников, содержащих информацию о календарной обрядности. Вкупе – обрядовый комплекс, осуществляющий единую функцию воздействия на силы природы, на сверхъестественные силы с целью получения желательных последствий. В нашем случае – магические действия по передаче земле плодovitости всего живого с тем, чтобы обеспечить людям хороший урожай; это дает основание считать староосетинское солнечное божество Уастырджи патроном культа плодородия. Горцы строго придерживались времени и ритуала исполнения обрядового комплекса; было непреложным и сакральным для отдельного человека, и семьи, и всего сообщества. Неразрывная связь слова и действия, их функциональная направленность определяли не только содержание словесных текстов, соответствовавших определенному типу обрядовых действий, но также их структуру и языковые особенности.

Ключевые слова: осетинский язык; этнолингвистический подход; божество Уастырджи; Георгий Победоносец; осенняя обрядность; астральный культ

Для цитирования: Бесолова Е.Б. Об обрядовом празднике “Уастырджийы къуыри” в традиционной культуре осетин: к эволюции образа Уастырджи // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 1. С. 172-183. doi.org/10.32653/CH211172-183

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211172-183>

Research paper

Elena B. Besolova,
Dr. of Philology, Prof., Chief Researcher
North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, Vladikavkaz, Russia
elenabessolova@mail.ru

THE RITUAL HOLIDAY “UASTYRDZHIY K’UYRI” IN OSSETIAN TRADITIONAL CULTURE: AN EXPLORATION OF THE EVOLUTION OF UASTYRDZHI’S IMAGE

Abstract. The article focuses on the ritual complex associated with the calendar festival known as Uastyrdzhiy k’uyri, or “Uastyrdzhi week,” which encompasses activities related to the successful completion of agricultural work and the evaluation of the year’s labor. The objective of this study is to employ comparative-contrastive and descriptive methodologies to delineate the ritual complex of the festival and to elucidate the character in whose honor the Ossetian ritual holiday, Uastyrdzhiy bontæ “Uastyrdzhi days”), extends over a week. The significance of this research stems from the necessity to discern the observed amalgamation of religious elements. The ethnographic and folklore context of the ritual complex is investigated through an ethnolinguistic approach, which facilitates the integration of linguistic, ethnographic, and folklore data. The approach adopted in the study of traditional culture enables the methodological and substantive reconstruction of the cultural meanings and semantic models inherent in the holiday’s ritual complex, premised on the interplay between language and culture. Emphasis is placed on the linkage between language and magical practices — a unique characteristic of the language found in historical, ethnographic, and folklore sources that span different temporal and generic aspects, which include information on calendrical rituals. Collectively, these rituals form a complex that serves the unified function of influencing natural and supernatural forces to achieve desired outcomes. In the present context, these magical practices are employed to imbue the earth with the fertility of all living beings, with the aim of ensuring a bountiful harvest for the people; this rationale supports the consideration of the ancient Ossetian solar deity Uastyrdzhi as the patron of the fertility cult. The highlanders rigorously observed the timing and execution of the ritual complex, which remained unchangeable and sacred to the individual, the family, and the entire community. The indissoluble bond between word and action, along with their functional orientation, not only shaped the content of the verbal texts associated with specific ritual actions but also influenced their structure and linguistic features.

Keywords: Ossetian language; ethnolinguistic approach; Uastyrdzhi deity; Saint George; rituals of the fall; astral cult

For citation: E.B. Besolova. The Ritual Holiday “Uastyrdzhiy k’uyri” in Ossetian Traditional Culture: an Exploration of the Evolution of Uastyrdzhi’s Image. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 172-183. doi.org/10.32653/CH211172-183

Введение

Праздники как наиболее консервативная часть традиционной культуры основаны генетически на древнейших формах миропонимания и содержат элементы и явления, которым свойственна мистическая, сверхъестественная сила. Народная память нерушимо хранит традиции ритуалов и нормы поведения в праздничной культуре, являющейся одной из стойких форм национальной идентичности. Способствуют этому строгая регламентация отправления ритуала, определённые правила и требования, не допускающие нарушений распорядка в их выполнении.

В статье рассматривается осенний календарный праздник, приуроченный к окончанию сельскохозяйственных работ и подведению итогов трудового года. С помощью описательного и сравнительно-сопоставительного методов исследования мы попытались представить обрядовый комплекс календарного праздника Уастырджийы кыуыри («неделя Уастырджи») с целью уточнить персонаж, в честь которого длится неделю обрядовый праздник осетин Уастырджийы бонтæ («дни Уастырджи»), с тем, чтобы показать идейную направленность ритуала, цель и глубинный смысл обряда.

Известно, что обрядовая праздничная культура каждого народа обусловлена циклом сельскохозяйственных работ, что связано с желанием обеспечить семью получением хорошего урожая зерновых и других полевых культур, подготовиться с надеждой и новыми силами к следующему трудовому году, и пр.

Астрономический год состоит из календарных обрядов и обычаев, образующих зимний, весенний, летне-осенние циклы. Календарь (майрадуаг. – термин Б.К. Алдатова) осетин как «важнейшее средство его этнонациональной идентичности» сохранил аграрные праздники, в которых основное место отводится традиции, хотя магические дохристианские верования уже почти забыты, а религиозные элементы также постепенно сходят на нет. Проиллюстрируем.

Ежегодно в ноябре (Джеоргуыбайы/ Джиоргуыбайы майы) осетины отмечают обрядовый праздник Уастырджийы кыуыри – «неделю Уастырджи». В народе ещё можно услышать: Джеоргуыбайы / Джиоргуыбайы бонтæ ирон./диг. Геуæргобайы бонтæ, т.е. «Дни святого Георгия».

Цитата из «Осетинской этнографической энциклопедии»: «Джеуæргуыбайы / Джиоргуыбайы) май ирон. / дигор. Гергобайы майæ – название ноября у осетин; в прошлом ему соответствовало время со второй половины октября по первую половину ноября. Названо в честь популярнейшего одноименного праздника осетин» [1, с. 185].

Разнобой и в написании, и во времени его проведения, причем не только в словарях осетинского языка, но и в источниках. Наблюдается также различное понимание персонажа праздника: христианский святой Георгий или златокрылый и всемогущий по мнению В.И. Абаева; Уастырджи ирон. / диг. Уасгерги из эпохи монотеистической глубины.

Актуальность изысканий вызвана необходимостью выявить и пояснить наблюдаемое смешение элементов религий.

Постановка проблемы

Первым обратил внимание на явное несоответствие персонажей Б.Х. Биджелов. Появление «общего божества мужчин – Уастырджи, – по мнению ученого, – можно мотивировать активизацией роли мужчины в основных аспектах хозяйственной деятельности, а также усиливающейся религиозной интеграцией; ещё и тем, что с течением времени «мелкие божества и отдельные патроны-покровители» перестают быть самостоятельными мифологическими персонажами, а их функции передаются этому мощному покровителю мужчин, чья основная ипостась отныне: оберегать мужчину в пути и способствовать удаче во всяком задуманном им мероприятии [2, с. 94].

В.Д. Дзидзоев приводит причины отождествления могущественного любимца народа Уастырджи со святым Георгием – реальным историческим лицом, знатным римским воином, обезглавленном в 303 г н.э. за проповедь христианской религии, а впоследствии ставшим «наиболее чтимым святым под именем святой Георгий» [3, с. 203]. По его мнению, «укоренившийся в сознании многих осетин миф о том, что Уасгерги/Уастырджи и святой Георгий – это два имени одного и того же исторического или историко-мифологического персонажа, продолжает жить и «успешно конкурировать» с реальными историческими фактами» благодаря «знатокам» истории и традиций осетин [3, с. 205].

Оба автора замечают, что как в дигорском диалекте осетинского языка Уасгерги «лæгты изæд» – «покровитель мужчин, путников, воинов», так и в иронском – Уастырджы «лæгты дзуар» – «святой», «божество», «покровитель мужчин, путников и воинов». При этом, акцентируя внимание на неразличимости христианского и языческого персонажей, на совмещении их функций, они не объясняют причины произошедшего; не обозначают, чем вызвано недельное время празднования сакральной даты, ставшей в постсоветской Осетии общенародным консолидирующим торжеством.

Ответ на поставленные вопросы и составляет предмет настоящей статьи.

Методы исследования

Этнографический и фольклорный контекст рассматриваемого обрядового комплекса изучается с применением этнолингвистического подхода, дающего возможность совмещать языковой, этнографический и фольклорный материал. Именно этот подход к изучению традиционной культуры позволяет как методологически, так и содержательно реконструировать культурные смыслы и семантические модели обрядового комплекса праздника Уастырджийы къуыри («неделя Уастырджы»), исходя из соотношений языка и культуры.

Обсуждение результатов

Итак, вопрос первый: идентичны ли наименования осеннего обрядового праздника у осетин и грузин, справляющих в течение одного дня Гиоргоба «праздник святого Георгия», и от которых, считается, перешёл он к осетинам? Путаница наблюдается уже в самих источниках и словарях осетинского языка.

Название обрядового праздника, по мнению В.И. Абаева, идет из грузинского Гиоргоба «праздник святого Георгия», ибо гиоргобис тве есть «месяц ноябрь» [4, I, с. 519].

По Н.Я. Габараеву, день Святого Георгия: «23 октябрæй 10 ноябры ‘хсан зæронд нымадæй – Уастырджийы бонтæ, или Джиуæргуыба(тæ)» [5, с.281]. – Между датами 23 октября и 10 ноября, по старому стилю, – дни Уастырджы, или Джиуоргуыба (перевод наш. – прим. авт.).

В «Осетинско-русском словаре» читаем: «Джеоргуба (Джиуæргуыба) «народный праздник в честь Уастырджы»; Джиуæргуыбайы мæй «месяц ноябрь, носящий имя святого»; Джиуæргуыбайы бæрæгбон «праздник Джеоргуба» [6, II, с. 481].

В «Дигорско-русском словаре» Ф.М. Таказова: «Геуæргоба «праздник св. Георгия» (справляется в ноябре), геуæргибон «вторник»; Геуæргобай мæйæ «ноябрь месяц»; геуæргобатæ этн. «девичьи посиделки в новолуние в октябре» (занимаются гаданием, всю ночь поют песни, веселятся)» [7, с. 218].

Нет единообразия и в написании названия обрядового праздника, и в дате его проведения.

Известно, что обычаям и обрядам свойствен синкретизм, не лишена этого и народная календарная обрядность, в которой почти невозможно разграничение традиционных обычаев и обрядов по сезонам, циклам – весенним, летним, осенним и зимним. Причина в том, что они определяются самим типом обряда или обрядового праздника. Естественно, грань между циклами народной обрядности зависела не столько от ещё нерационального мышления горца, его экономического и культурного уровня, сколько от стихийных сил природы, климатических условий и ряда других факторов. Именно они толкали к обращению к Всевышнему с молитвословиями, заставляли прибегать к магии и религиозно-магическим средствам.

Составляющие культа Уастырджы – мифологический образ, функции, ритуальная символика и атрибутика – дают возможность заявить, что бесспорных прямых свидетельств в пользу того, что культ покровителя мужчин и воинов Уастырджы – есть изначально культ святого Георгия, занесенный ранним христианством, нет. Как нельзя также считать, что культ главного божества осетинского пантеона сформировался на основе культа христианского святого Георгия [2, с. 95].

Рассмотрим осеннюю обрядность осетин, обычаи и ритуалы которой достаточно разнообразны по функциям.

По Б.А. Калоеву, горцы-осетины отличались богатым и сложным циклом аграрных культов и обрядов, и это вполне понятно. С одной стороны, бессилие, вызванное болезнями, голодом и стихийными

бедствиями, а также «особенности их природной среды и быта в горах», приводящие к обожествлению природных явлений [8, с. 179]. С другой, бесхитростная вера в силу магии в форме строго закреплённых коллективных ритуальных действий – из сохранных ими дохристианских верований; к примеру, почитание природных стихий и связанных с ними явлений.

К функции осенней обрядности горцы относят не только сбор урожая (хлеба, овощей, ягодных и плодовых культур), но и его сохранность, а также заботу об обеспечении урожая будущего года. Ср.: «...предусмотрительный земледелец хочет заранее обеспечить и урожай будущего года. Отсюда смысл многих осенних ритуалов состоит именно в том, что они нацелены на этот будущий урожай – ведь собранный хлеб уже в закромах» [9, с.6]. Это жизненное правило лежало в основе различных верований и обрядов в непрерывной повторяемости земледельческих циклов, вызвавших веру в умирающее и воскресающее божество природы, составившее смысл осеннего обрядового праздника Уастырджийы къуыри – «недели Уастырджи».

Информация о Златокрылом Уастырджи из словаря «Этнография и мифология осетин»: «Уастырджи / Уаскерги – самое почитаемое божество в осетинской мифологии, покровитель мужчин, путников и воинов. <...> По представлениям осетин, является посредником между богом и людьми; <...> ему посвящено самое большое количество святилищ по всей Осетии (Реком, Дзывгъысы дзуар и др.). Ежегодно, в ноябре, после окончания сельскохозяйственных работ, по всей Осетии широко и торжественно отмечается праздник «Уастырджийы къуыри»; без обращения к нему с отвечающей случаю просьбой не обходилось ни одно застолье, ни одно доброе начинание, после которого исполнялась посвященная ему песня-гимн [10, с. 88]. Ср.:

Цæй, Уастырджи, даумæ куы кувæм, сой,
Даумæ куы кувæм, сой!
Мæнæ ацы адæм даумæ куы кувынц, гъой!
Алы къуыппыл дæ кувæндæттæ, гъой!

Алы дзыхъхъы та дæ кусæнгæртæ.
Мæнæ ацы адæм даумæ куы кувынц.
Сау багæныйæ дæм куы кувæм,

Бур физонæгæй, æртæ чъирийæ.

Фæтæригъæд нын кæн, мæгуыр адæмæн!
Кæм дæ, цы фæдæ, цæхæрцæст Уастырджи?
Бахъудтæ нæ, дардмæ дæм лæгъстæ куы кæнæм!

[11, с. 36–37, 190–191].

О Уастырджи, тебе, ведь, молимся, сой,
Тебе, ведь, молимся, сой!
Вот этот народ тебе, ведь, молится, ой!
На каждом холме твои молельни,
А в каждом овраге твои орудия труда.
Вот этот народ тебе, ведь, молится,
Чёрным пивом тебе молимся,
Золотистым шашлыком, тремя пирогами.
Пожалей нас, бедный народ!
Где ты, куда делся, искроглазый
Уастырджи?

Понадобился ты нам!
Молим тебя издали!

«Лæгты дзуар – букв. бог мужчин, унаследовавший черты древнеаланского бога войны, которому аланы поклонялись в образе меча; так по сей день осетинские женщины эфемистически называют божество Уастырджи. Подлинное имя его им нельзя произносить, как запрещено и участие в праздниках в его честь.

Приведем календарь обрядового комплекса праздника Уастырджийы къуыри / Уастырджийы бонтæ.

Дни эти проходили торжественно, радостно, всё сообщество горцев принимало участие в празднике, потому что сельскохозяйственные работы уже окончены, хлеб лежал в амбарах (хордон, *гон*; гура); скотина с приплодом в хлеве и пр. Здесь заметим, что последующие сутки по осетинскому народному календарю наступают после захода солнца сегодняшнего дня.

Первый день праздника – воскресенье, или галаергæвдæн хуыцаубон – «воскресенье заклания быка».

Второй день – вечер с понедельника на вторник, когда в жертву святому приносится баран или козел, считается главным и называется Уастырджийы æхсæв «ночь Уастырджи». Молящиеся с приношениями шли к культовым местам божества (Уастырджийы кувæндæттæ «святилища Уастырджи»), которые имелись почти во всех селах горной Осетии.

Праздник подведения итогов сельскохозяйственного года продолжается неделю, в течение которой в каждом доме за накрытым дарами Всевышнего столом просят Его даровать здоровье и мир, покой и благополучие, а также оберегать от бед и зла.

Завершаются дни Уастырджи – Уастырджийы æрвитæн æхсæв «проводы праздника Уастырджи» – с вечера понедельника на вторник.

При организации праздника в прошлом осетины нередко прибегали к принципу фысымтæ (назначаемые 'хозяева' праздника). Отличительной чертой недели Уастырджи были многочисленные жертвоприношения – как общесельские, общеквартальные, так и семейные, фамильные. Каждая семья, где бы ни проживала, какого бы достатка ни была, в обязательном порядке отмечала его, принеся в жертву животное или три ребра жертвенного животного.

Заметим, что дни эти приходились на осень не случайно. К этому времени завершалась уборка урожая, и люди могли спокойно распоряжаться плодами своих годовых усилий; во-вторых, эти дни были также своеобразным заговеньем на Рождественский пост (Цыппурс).

Дни праздничной недели считались днями свадеб: в народе бытовало мнение, что брачные узы, заключенные в этот период, богоугодны и прочны [1, с. 186].

Традиция празднования продолжается по настоящее время. Первый день Уастырджийы къуыри «недели Уастырджи» объявлен календарным праздником в обеих осетинских республиках.

Как известно, календарь в мифологии является одним из способов освоения сознанием природных явлений, так что хранящая образ жизни предков система счисления временных промежутков представляется «небесным образцом земного порядка» [12, I, с. 612]. Чередование дня и ночи мифологически воспринимается как семантическая модель оппозиции «тьма – свет», лежащей в архаике суточных и сезонных изменений, связанных с исчезновением и возвращением мифологического персонажа, в данном случае – Уастырджи, воплощающего солнце, свет, тепло, плодородие, провозглашающего плодотворный труд как естественное поощрение жизни.

Но в то же время поражает знание астрономии предками горцев-осетин.

Известно, что Солнце входит в созвездие Скорпиона 22 ноября и находится там по 29 ноября. Начинается самое тёмное время года. Именно в эти дни осетины призывают староосетинское солнечное божество Уастырджи помочь пройти эти дни ноября, освещая им путь и сдерживая хтонические силы. В архаических мифах исчезающим и возвращающимся богам была присуща природная, земледельческая семантика. Староосетинское солярное божество Уасерги / Уастырджи как умирающее и возвращающееся божество одерживает победу в суточном своем движении от света к мраку и от мрака к свету в борьбе с хтоническими силами [12, 2, с. 547–548], в честь чего осетины неделю празднуют (Уастырджийы къуыри) это событие.

Как видим, календарные звёздные изменения, лежащие в основе «дней Уастырджи», вполне астрономически подтверждаются.

Астральный культурный код осетин, сохранившийся в Нартиаде, вкуче с генеалогической легендой скифов о предметах, упавших с неба и горящих нестерпимым огнем, составляют образно-знаковую систему священного календаря. Он соответствует не только основным солнечным фазам в году, но и четырем важнейшим фабулам в «жизнеописании» Солнца, зашифрованных в мифопоэтической системе индоиранцев как четыре основных этапа в земной жизни человека.

Сведения «отца истории» Геродота о божественных дарах, связанных с небесным огнем и с трехчленным делением зон мироздания, легко прочитываются не только мифологически (соха – дар небесного кузнеца Курдалагона; чаша – священный атрибут солнечного героя Сослана; сияющий меч – дар златокрылого Уастырджи), но и сакрально – в астральном календаре осетин. По мнению Л. Фидарати, небесный меч фиксирует границу самого тёмного времени года, когда Солнце 22 ноября входит в созвездие Скорпиона и теряет свою мощь и силу, будучи «укушенным Скорпионом». В этот временной отрезок года, когда торжествует тьма, светоносный меч Уастырджи освещает Духовный Путь <...>, поддерживая людей. Поэтому в последнюю неделю ноября благодарные осетины отмечают свой самый главный в году праздник, посвященный Уастырджи [13, с. 6]. Такова мифопоэтическая интерпретация обрядового праздника Уастырджийы къуыри.

Различия между олицетворяющим Солнце Уастырджи и христианским святым Георгием.

Общеосетинское божество Уастырджи занимает место рядом с Хуыцаутты Хуыцау (Богом богов) и является посредником между небом и землей; пользуется особенной благосклонностью Хуыцау

(Бога-Создателя, Бога-Творца), поэтому может всегда просить о помиловании согрешившего; обладает большой властью: может умертвить, ниспослать болезнь, наставить на хороший или дурной путь, а также спасти от всякого зла. В этом кроется причина того, почему у осетин Уастырджи имеет преимущество перед другими божествами и небожителями [14, с. 693–694]. Небожитель – фигура первостепенной композиционной и идейной значимости, стоящая у начала нартовской истории и участвующая в генезисе нартовского народа [15, 3, с. 254].

В фольклорном и этнографическом материале Уастырджи – длинная белая борода и усы, белые одежды, сияющие доспехи и волшебная войлочная плеть – всадник на белом крылатом трехногом коне, облетающий, подобно молнии, землю от края до края. Небожитель обладает способностью к перевоплощению: перед землевладельцем предстает в образе пахаря, перед пастухом – чабана, перед юношей брачного возраста – в образе главы свадебной процессии, о чем свидетельствует «Сказание о женитьбе нарта Ацамаза» [16, I, с. 320–328].

По Ф. Энгельсу, «религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времён, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой» [17, XXI, гл.4, с. 315, 316]. Тем более что питательной почвой древних религиозных представлений была родовая община, дававшая основной материал для понимания сущности первоначальных верований народов. Проиллюстрируем.

Образ божественного всадника, напоминающего собою опозитизированного культурного героя, выступающего во имя блага людей, защищающего правых и карающего неправедных: воров, мошенников и пр. – одно из древнейших представлений о божестве.

Во многих восточных странах образ всадника олицетворял собой культ Солнца, астральный культ [18, с. 29]. На наш взгляд, это можно отнести и к образу всадника Уастырджи, в первооснове своей восходящему к божеству, олицетворяющему Солнце. Тем более что в прошлом Он и воплощал собой старое осетинское солнечное божество.

Но, как заметила М.Р. Халидова, и с чем нельзя не согласиться, «божества исчезнувших религий обычно превращаются в героев фольклорных произведений, оживают в мифах, преданиях, сказках и т.д.» [19, с. 374]. Можно предположить, что и с образом осетинского божественного всадника Уастырджи произошла подобная трансформация: божество, солнечный бог в период военной демократии, в период воспевания ратных подвигов превращается в образ бога воинов, затем покровителя мужчин и путников, в защитника обездоленных и праведных и т.д. Он, возвышающийся «у истоков мира», сам уже определяет себя как «сын Бога и Солнца» [15, с. 3, 693].

Нарты не приносили жертв богам, не почитали их; боги нартов просты и непосредственны; обладают даром речи, отдыхают, ездят верхом, едят и пьют с нартами. Все это подтверждается многочисленными иллюстрациями из героического эпоса осетин «Сказания о нартах». И хотя постоянным местопребыванием небожителя Уастырджи являлось Небо, все божества и небожители, за исключением Творца, Создателя (Хуыцау), жили на земле; обладали теми же физическими, нравственными и психологическими свойствами, что и земные люди, причем и быт их ничем не отличался от быта землян-нартов; налицо, как видим, нерушимый союз богов и нартов.

Уастырджи постоянно разъезжает в образе нищего среди людей, чтобы узнать, поддерживают ли люди друг друга в горе и нужде; пускает молниеносно в ход своё оружие, наказывая убийц, воров и клятвопреступников. Прекрасный семьянин: у него семеро сыновей; мало того, в Нартовском эпосе представлен как прелюбодей: у кумира осетин, породившего героиню Нартиады (знаменитую и бессмертную Шатану), – мало божественного. Таким образом, даже малая толика перечисленных свойств, приписываемых Уастырджи, свидетельствует о наделении небожителя лучшими человеческими качествами. Тут уместны слова С.А. Токарева о том, что в ходе исторического развития языческие верования видоизменялись, переосмысливались, переходя от низших форм к более высоким, представляя собою, по сути, как бы переработку тех материальных условий жизни людей, в которых они вырастают и бытуют [20, с. 12]. Отметим, что из всего общесетинского религиозного пантеона лишь Уастырджи удостоился чести, чтобы в молитвах его имя было поставлено рядом с именем Хуыцау: Хуыцау æмæ дæ Уастырджийы хорзæх уæд! – «Будь благословен Богом и Уастырджи!». С молитвы об Уастырджи начинается и кончается осетинское праздничное застолье; его имя окружено ореолом недостижимого почёта и обожания; образ – многочисленными легендами, преданиями.

В обиходе Уастырджи оперирует орудиями и предметами быта, типичными для горцев – сохой, секирой, косой и пр.; воюет при помощи лука и стрел, меча, волшебной войлочной плети; участвует

в пиршестве, женится, разводится, употребляет те же самые яства, пьет те же самые напитки, что и люди. Одним словом, мир небесный и мир земной складываются в единый эпический образ мира.

Этнограф Б. Гатиев сообщает, что накануне праздника Уастырджи в конце ноября горцы «режут по годовалому барашку-нывонду», причем нывондом «называется то животное, которое предназначено в жертву Богу или святому. <...> Хозяин в отличие нывонда от других животных надрезывает правый рог его.

Пастухи и хозяева не смеют, если не желают навлечь на себя гнев того святого, в честь которого посвящен нывонд, не только обращаться с ним дурно, но и смотреть на него без умиления и благоговения» [21, с. 44]. Обрядовый смысл принесения нывонда божеству в том, чтобы магическим путем выявить намерение божества о принятии или отвержении жертвы-нывонда. Совершается специальный обряд: «Перед тем, как принести животное в жертву, ему горящим поленом делается крестообразная пометка на шее, за правым ухом и на морде; если дым идет вверх от опаляемой шерсти, то считается, что приношение принято божеством, которому оно предназначено» [21, с. 44].

Обычно молитвы, жертва и пирушка совершаются около молельни Уастырджи, которую аул строит на возвышенном месте, откуда небожителю удобно наблюдать за людьми и скотом; молодежь поет песни об Уастырджи; пение и посещение отдельных саклей продолжается до утра [22, с. 281–282].

Известно, что древневосточные божества всей своей сущностью связаны с земледельческими культурами и являют собой «божества хлебного поля». Солнечный культ осетин пронизан аграрным содержанием: земле-кормилице горец стремился передать силу плодovitости. Совершался ряд магико-обрядовых действий; как, например, «оплодотворение» земли горцем; одежды, вывернутые мехом наружу во время первой борозды; обращение к умершим сородичам за помощью; приготовление конусообразных булочек, символизировавших сапетки для хранения зерна – кьуту; и мн. др. [23, с. 67]. Часть земледельческих и скотоводческих обрядов приурочена к календарным праздникам, но значительная их часть относится к периоду сельскохозяйственного календаря; их определяем как календарные, но в более широком смысле.

Со временем аграрная основа праздника забылась в городах Осетии, постепенно стирались и следы аграрных культов. На солярный характер праздника указывает лишь неделя Уастырджи, хотя содержание первоначальной традиции почти угасла.

Обрядовые действия магико-религиозного и социального содержания связывались непосредственно с процессом труда. Начало жатвы и её завершение сопровождалось ритуалами, в которых усматривались и радость по поводу окончания напряженного труда, и благодарность за хороший урожай, и стремление магическими средствами обеспечить будущий урожай. Можно было наблюдать, как к древнему магическому действу присоединялся и обряд олицетворения растительного процесса.

Причинами устойчивости древних религиозных представлений осетин, по мнению Л.А. Чибирова, явились уже сложившиеся высокоразвитые формы религиозного мышления у горцев Центрального Кавказа к периоду распространения мировых религий, чему содействовали патриархально-родовой уклад их жизни и связь верований с народными традициями. Этому споспешествовали также «длительные и постоянные контакты с соседней кавказской этнической средой, а в более отдаленные исторические эпохи – с этнически разноплеменным населением Юга России, Восточной и Центральной Европой; последнее обстоятельство существенно отразилось на древнейших народных верованиях осетин» [24, с. 6–7].

Канонизация Уастырджи как главного персонажа в осетинском пантеоне, по мнению Б.Х. Биджелова, протекала на базе спонтанного развития. Основанием для подобного вывода служат функции, мифологический образ, ритуальная символика и атрибутика Лæгты дзуара.

Всё приведенное – надежное основание заключить, что культ Уастырджи – древнейший, дохристианский, как и имя; никак не может быть заимствованным, занесенным ранним христианством культом святого Георгия, да и описанные функции Уастырджи никак не идентичны функциям христианского Георгия Победоносца, воина-мученика.

Известно, что святой Георгий – воин при императоре. За преданность христианству подвергался жестоким пыткам; ср.: «Его изрубили мечами, положили на него колоссальные тяжести, вливали в него расплавленное олово, голову пробивали раскаленными гвоздями, его распилили на семь или десять частей и сварили эти куски в котле, в котором кипели смола и олово, вздымаясь волнами высотой в 15 локтей; его наполовину сожгли на костре, и останки разрезали на десять частей, но Георгий

всякий раз вновь оживал» [12, I, с. 273–275]. В древности св. Георгий считался покровителем животноводства и земледелия. В христианской иконографии св. Георгий изображается на коне, с копьем, поражающим дракона, да и Георгиев (Егорьев) день отмечается 23 апреля, когда совершается первый выгон скота на пастбище с окроплением водой пастухов и стад.

Христианством отрицается и дохристианские истоки, и языческая сущность культа своих святых; но живучести этих верований поспособствовала тесная связь с народными традициями. Что же касается влияния мировых религий на верования осетин, то оно сводится лишь к внешним напластованиям на языческие представления о божестве; ср. В.И. Абаев: «христианского в них – только имена, образы их идут из языческого мира» [16, I, с. 62].

Б.Х. Биджелов, основываясь на множестве компетенций Уастырджи, полагает, что «в образе этого божества отражен не какой-то вообще абстрактный, а конкретно-исторический человек: действующий, мыслящий, занимающийся различными делами подобно человеческой деятельности, мысли и психики, присущими, как и положено по законам религии, сверхматериальным существам» [2, с.96]. Ученый этимологизирует имя божества, базируясь на своем понимании образа: «...в названии «Джеорг (оба)» вторая часть семантически связана со словом почитания культа природы – «обо», который в древности был широко распространен среди многих азиатских народов и даже бытует до сих пор у монголов, а также бурят и тувинцев. Характерно, что в культе «обо» особое место принадлежит «хозяину местности», в честь которого воздвигали каменный курган, будь то на вершине горы, перевале или ровном месте у дороги» [2, 170].

Во всех молитвословиях и молитвах местонахождение Уастырджи – «высокий холм»; «вершины гор»; «высокий перевал»; «на вершине восседающий великий Уасгерги»; просят его «взглянуть с высоты»; «посмотреть с высоты»; «сидящий на вершине»; «наших гор высокий Уасгерги» [11, с. 191–192].

Со временем, после принятия христианства, древнего небесного покровителя Уасгерги / Уастырджи, сохранившего свои первоначальные функции в основном в религии осетин, а также в богатом мифологическом и эпическом материале, стали отождествлять со святым Георгием, чему, думаем, способствовало и название месяца – Джеоргуыбайы маъ «месяц Георгия».

Г. Бейли, исходя из того, что «слово *Orge* – откуда произошли английские слова *gorgeous* («яркий», «блестящий») и *urge* («побуждать», «заставлять», «подгонять») – явно служит корнем имени Георгий (*George*)», склонен считать, что «греческое слово *georgia* «земледелие» произошло от имени Георгий, а не наоборот. «Ге» здесь, как в слове «география», означало «земля», так что мы можем с полным правом предположить, что истинное значение имени Георгий – это *Ge urge* – «Побуждающий землю», «Тот, кто заставляет землю плодоносить» [25, с. 267].

Лексема уац < *ц̣ас- («весть, известие, новость, сообщение») в дериватах и сложных словах выявляет широкий спектр значений, повторяя во многом религиозную семантику, которая была общеиндоевропейской; является также эпитетом небожителей – «святой», а в эпосе и мифологии её семантика – «божество», «божественный»; в значении «святой», по мнению В.И. Абаева, приобщала христианских святых к старому языческому пантеону [26, IV, с. 26–28].

Но, на наш взгляд, подобного приобщения не произошло.

Ср.: исполнив желания трех братьев, Уастырджи через год в образе нищего старика (подобно лезгинскому Хидиру-Неби) пошёл их проведать. Ни старший брат, ни средний не вняли просьбам старика, за что он их обратил в камень. Лишь младший брат радушно принял и поинтересовался, чем болен нищий. Услышав, что для излечения нужно натереть грудь кровью младенца, жена младшего брата обратилась к мужу: «Пожертвуй ради гостя нашим ребенком. Мы ещё молоды, у нас будут ещё дети, а старику неоткуда достать ребёнка для своего излечения». Тот согласился с предложением жены. Мать из-за двери наблюдала за нищим. Гость «надрезал вдоль грудь малютке, *вынул сердце*, отрезал от него половину и, скрепив снова тело ребёнка, положил в колыбель. Ребёнок не пикнул <....>. Затем старик растёр себе грудь и стал молодцем <....> Матери вдруг послышался плач. *Не веря своим ушам, подбегает к люльке и видит, что её ребенок жив и здоров*». Уастырджи открылся хозяевам и ушёл, наградив их щедро за гостеприимство [22, с. 160–162].

В «Предании об Уасгерги» небесному божееству приписываются и функции громовержца: «...Уасгерги извлёк шашку свою в гнев и ударил по горе. ...Гора до самого Задалеска разделилась надвое. Тогда он вынул и копё, и пронзил гору, и гора продырявилась. ...Его удары и поныне ясно видны в Задалеске» [22, с. 103].

По мнению В.С. Газдановой, ипостась Уастырджи / Уасгерги совпадает с ипостасью первочеловека, богочеловека Таргитая по месту в троичной модели мира в религиозно-мифологической системе осетин. Уастырджи / Уасгерги присущи те же функции – военная, жреческая, а также функция плодородия [27, с. 150].

Таким образом, Уастырджи / Уасгерги – это не христианский святой Георгий, – книжное заимствование грузинами из греческого языка во время христианизации (IV век); из того же греческого идет устное заимствование древнерусским языком (ср., Юрей, Юрий, Егорий) [28, с. 402].

Образ Уастырджи / Уасгерги эволюционировал в течение веков, что нашло отражение в мифоритуальной практике осетин. Ср.: «староосетинский» бог Солнца – божество, наделенное особыми магико-юридическими функциями, бог-посредник Хуыцау (Верховного бога) – создатель природного и социального космоса, священного напитка, музыки и музыкального инструмента (в нартовских сказаниях и их вариантах) – бог войны, воинов и мореплавателей, грозы, земледелия; плодородия, врачевания – покровитель мужчин, путников, бедняков и обиженных, мёртвых, свадеб, зачатия и деторождения. Многофункциональность – отличительная особенность староосетинского солнечного божества.

Аналогиями осетинского божества в пантеонах северокавказских народов являются: верховное языческое божество андийцев и других народов аваро-андо-дидойской и нахской языковых групп – *ЦШоб*; Дяли древненахского пантеона; Бечеда – общеварский бог; Квара, Зал – у лакцев; *ЦШалла* – верховный бог даргинцев; Гъуцар – лезгин и др. [29, с. 155–202].

Локально, в Стур-Дигоре, Уасгерги с течением времени приобрел ещё и роль Сæризæд, букв. «ангела головы» – покровителя-хранителя домашнего очага и семейного благополучия. Сведения об этом у этнографа В.С. Газдановой: «Уастырджи в Стур-Дигоре называют «Мæнти изæд» (букв. «ангел духов»). Ему молились с понедельника на вторник – «Георги æхсæв», «Лæгтыдзуары æхсæв». В жертву приносили барана (нæл фыс), козла (нæл сæгъ), быка (гал). В этот же день молились и Сæрызæду («Георги æхсæв»). Как отметила информант, Сæрызæд и Уасгерги – это одно и то же, <...> т.е. Уастырджи в мифологическом сознании осетин вмещал в себя и функции громовержца» [27, с. 347].

В сложении имени Уастырджи / Уасгерги первый элемент в значении «божество», а второй – «искажение имени *Giorgi*» [22, с. 242]. Таким образом, этимология термина Уастырджи / Уасгерги < *Was* (*wac*), которая у древних «мыслилась как личность, как могущественная высшая сила», божество + *Geurge* «Побуждающий землю»; «Тот, кто заставляет землю плодоносить», что свидетельствует о том, что Он ещё и божество плодородия.

Итак, Уастырджи / Уасгерги – всемогущий небесный покровитель, канонизация которого в качестве главного персонажа в осетинском пантеоне запечатлелась в астральном культе. Место Его пребывания – горы (высоты, хребты, холмы), откуда низвергается вода, дарящая плодородие, полноводные реки; туда же направлены взоры и молитвословия горцев-осетин... Эта опора мира дарует бессмертие, надежду на обретение просветления; там местоположение предков и богов; она внушает чаяния на божье благословение, счастье и удачу.

Насыщенный аграрный культ, обычай и обряды, связанные с почитанием общинных, родовых и общих божеств, нашли отражение в религиозных воззрениях, устном народном творчестве и искусстве горцев-осетин.

Заключение

Итак, рассмотрев семантику, функции и обрядовый комплекс позднеосетинского праздника «Уастырджийы къуыри», мы пришли к следующим выводам:

- 1) культ Уастырджи / Уасгерги – древнейший, дохристианский; общение с высшими существами было потребностью человека, для чего он прилагал всё для их умилостивления;
- 2) календарь в мифологии есть один из способов освоения сознанием природных явлений, что объясняет не только обусловленную временем происходившую трансформацию божества Уастырджи / Уасгерги, но также и утрату обрядом исходных магических действий – функции воздействия на силы – природы, сверхъестественные – с целью получения вождельных результатов;
- 3) при определении смысла календарного обрядового праздника «Лæгты дзуары бонтæ» мы исходили из широких полномочий покровителя сильного пола. Образ Уастырджи / Уасгерги

отождествляется как с героями Нартиады, так и со стихийными могущественными явлениями природы в условиях человеческого бессилия перед ними;

4) староосетинскому солярному божеству Уастырджи / Уасгерги присущи функции бога плодородия, что подтверждается этимологией имени Георгий, заключающем в себе природную, земледельческую семантику;

5) как умиращее и возвращающееся божество Уастырджи / Уасгерги одерживает победу в суточном движении от мрака к свету в борьбе с хтоническими силами, в честь чего осетины в последнюю неделю ноября празднуют Уастырджийы къуыри перед заговеньем на Рождественский пост (Цыппурс);

6) в течение веков протекала удивительная трансформация староосетинского солнечного божества. В фольклоре, особенно в сказаниях о нартах, Уастырджи / Уасгерги предстает мифологическим персонажем, воплощающим в своих ипостасях различные функции вобранных им других богов и небожителей осетинского пантеона;

7) к первой четверти XXI века обрядовый комплекс праздника «неделя Уастырджи / Уасгерги», существовавший на протяжении веков, утратил свой магический характер, а также память о явлениях духовной культуры предков осетин и превратился в силу традиции в *объединительный общенациональный праздник*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: «Проект-Пресс», 2012. – 688 с.
2. Биджелов Б.Х. Социальная сущность религиозных верований осетин. Владикавказ: Ир, 1992. – 181 с.
3. Дзидзоев В. Известное и неизвестное в этнографии и мифологии осетин: Что общего и отличительного у осетинского Уастырджи и святого Георгия // Журн. «Дарьял». № 3. 2012. С. 202–213.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 657 с.
5. Габараев Н.Я. Толковый словарь осетинского языка в 4 т. Т. 2. М.: Наука, 2010. – 489 с.
6. Осетинско-русский словарь / сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Т. II. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. – 724 с.
7. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003. – 736 с.
8. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. – 249 с.
9. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978. – 293 с.
10. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. – 284 с.
11. Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия / сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. – 440 с.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1987. Т. I. – 671 с.; Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1988. Т. II. – 719 с.
13. Фидарати Л. Священный календарь // Газ. АЖДÆН. №4. 2015. – С. 2–5.
14. Паллагов А. Селение Гизель (или Кизилка) Терской области Владикавказского округа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Том I. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. С. 682–701.
15. Энциклопедия осетинской Нартиады: в 3 томах. Т.3. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2023. – 452 с.
16. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. М.: Наука, 1989. – 492 с.; Кн. 2. – 1990. – 431 с.

REFERENCES

1. *Ossetian Ethnographic Encyclopedia*. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2012.
2. Bidzhelov BKh. *Social essence of religious beliefs of the Ossetians*. Vladikavkaz: Ir, 1992.
3. Dzidzoev V. *Known and unknown in the ethnography and mythology of the Ossetians: What is common and distinctive about the Ossetian Uastyrdzhi and St. George*. *Daryal*. 2012; 3: 202–213. (In Russ)
4. Abaev VI. *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*. Vol. I. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. (In Russ)
5. Gabaraev NYA. *Explanatory Dictionary of the Ossetian Language in 4 Volumes*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 2010. (In Russ)
6. Guriev TA., Gutieva ET. (comps). *Ossetian-Russian Dictionary*. Vol. II. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS, 2017. (In Russ)
7. Takazov FM. *Digorsk-Russian Dictionary*. Vladikavkaz, 2003. (In Russ)
8. Kaloev BA. *Agriculture of the Peoples of the North Caucasus*. Moscow, 1981. (In Russ)
9. *Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe. Summer-Autumn Holidays. Late 19th – Early 20th Century*. Moscow: Nauka, 1978.
10. Dzadzиеv AB., Dzutsev HV., Karaev SM. *Ethnography and mythology of the Ossetians. Brief dictionary*. Vladikavkaz, 1994. (In Russ)
11. Khamitsaeva TA. (comp). *Monuments of folk art of the Ossetians: Labor and ritual poetry*. Vladikavkaz: Ir, 1992. (In Russ)
12. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*. Vol. I, II. Moscow: Sovetskaya Encyklopediya, 1987. (In Russ)
13. Fidarati L. *Sacred calendar*. *AJDÆN*. 2015; 4: 2–5. (In Russ)
14. Tsallagov A. *The village of Gizel (or Kizilka) in the Terek region of the Vladikavkaz district*. In: Chibirov L.A. (comp). *Periodical press of the Caucasus about Ossetia and the Ossetians*. Vol. 1. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2014: 682–701. (In Russ)
15. *Encyclopedia of the Ossetian Nartiaada: in 3 volumes*. Vol. 3. Vladikavkaz: SOIGSI VSC RAS, 2023. (In Russ)
16. *Narty. Ossetian heroic epic*. Book 1. Moscow: Nauka, 1989; Book 2. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)
17. Engels F. *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdn., 1961. Vol. 21, Ch. 4. (In Russ)

17. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Госполитизд., 1961. Т.21. Гл.4. – 745 с.
18. Котович В.М. Образ всадника в древних писаницах горного Дагестана // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – 976 с.
19. Халидова М.Р. Эволюция богоборческих сюжетов в фольклоре народов Дагестана // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Махачкала, 2008. – 556 с.
20. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. – 397 с.
21. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 44–46.
22. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. – 707 с.
23. Уарзиати Вилен. Праздничный мир осетин // Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. – Владикавказ: Абета, 2017. С. 17–253.
24. Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали: «Ирыстон», 1984. – 218 с.
25. Бейли Гарольд. Забытый язык символов. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 573 с.
26. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989. – 326 с.
27. Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. – 438 с.
28. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка в 4 т. Т. I. Изд.2-ое. М.: Прогресс, 1986. С. 402.
29. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств (типология, характеристика, персонификация). Махачкала: «ДИНЭМ», 2009. – 407.
18. Kotovich VM. *The Image of a Horseman in Ancient Rock Art in Mountainous Dagestan. Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Issue VIII. Krupnovskie Readings, 1971-2006. Moscow: Monuments of Historical Thought. Stavropol: Nasledie, 2008. (In Russ)*
19. Khalidova MR. *Evolution of God-fighting Plots in the Folklore of the Peoples of Dagestan. Dagestan and the North Caucasus in Light of Ethnocultural Interaction in Eurasia. Makhachkala, 2008. (In Russ)*
20. Tokarev SA. *Early forms of religion and their development. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)*
21. Gatiev B. *Superstitions and prejudices among the Ossetians. Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1876; 9: 44-46.*
22. Miller VsF. *Ossetian etudes. Vladikavkaz: SOIGSI, 1992.*
23. Uarziati Vilen. *The festive world of the Ossetians. Selected works: Ethnology. Cultural studies. Semiotics. Vladikavkaz: Abeta, 2017: 17-253. (In Russ)*
24. Chibirov LA. *The most ancient layers of the spiritual culture of the Ossetians. Tskhinvali: Iryston, 1984. (In Russ)*
25. Bailey Harold. *Forgotten Language of Symbols. Moscow: ZAO Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 2010. (In Russ)*
26. Abaev VI. *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Vol. IV. Leningrad: Nauka, 1989. (In Russ)*
27. Gazdanova VS. *Golden Rain. Research on the Traditional Culture of the Ossetians. Vladikavkaz: RIO SOIGSI, 2007. (In Russ)*
28. Fasmer Max. *Etymological Dictionary of the Russian Language in 4 Vols. Vol. I. 2nd ed. Moscow: Progress, 1986: 402.*
29. Seferbekov RI. *Pantheon of pagan deities (typology, characteristics, personification). Makhachkala: DINEM, 2009. (In Russ)*

Поступила в редакцию 20.08.2024 г.

Принята в печать 15.11.2024 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

Received 20.08.2024

Accepted 15.11.2024

Published 15.03.2025